

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА МУСАНОВА

кандидат филологических наук, методист центра развития этнокультурного образования, Коми республиканский институт развития образования (Сыктывкар, Российская Федерация)

musanova_svetlan@mail.ru

РУССКИЙ ПЕСЕННО-ИГРОВОЙ РЕПЕРТУАР ЛУЗСКИХ КОМИ*

Рассматривается песенно-игровой репертуар лузских коми, выявленный в Фольклорном архиве Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (ФА СГУ). Исследуемая микролокальная традиция Прилузского района Республики Коми охватывает обширную территорию с несколькими группами поселений в бассейне р. Луза (приток р. Юг). Песни были зафиксированы в нескольких поселениях, ранее принадлежащих сначала Лальскому, затем Усть-Сысольскому уезду Вологодской губернии. В результате фольклорных экспедиций и практик сотрудников и студентов СГУ было зафиксировано 10 песенно-игровых сюжетов в 40 вариантах записи и более 30 описаний молодежных собраний. Практически все песни, входящие в лузский игровой репертуар, были усвоены из русских традиций. Репертуар игрищ на Лузе включал в себя песни игровые, хороводные, хороводно-игровые (исполнялись в кругу и в хороводе «ряд на ряд»). Выявлено небольшое количество песенных сюжетов, но вместе с тем среди них встречаются уникальные, не содержащиеся в других архивах. Поскольку фиксация текстов происходила в довольно позднее время (1990-е – 2000-е годы), многие из них представлены в виде фрагментов, пересказов, номинальных фиксаций (на уровне воспоминаний о тексте в одной-двух строках).

Ключевые слова: архив, песенно-игровой фольклор, вариант, традиция

Изучение песенно-игровых традиций отдельных регионов является одним из перспективных направлений современной фольклористической науки. В последние полтора-два десятилетия появился ряд работ, посвященных выявлению специфических черт песенно-игрового фольклора отдельных местностей [4], [6], [7], [10], [14], [17], [18], [19], [20]. Особенности игровых, хороводных и плясовых песен проявляются в многообразии их локальных вариантов. К таковым относятся традиции Прилузского района Республики Коми, расположенного на юге Республики Коми и граничащего с Архангельской и Кировской областями, с Сысольским и Койгородским районами Республики Коми. На территории Прилузья можно условно выделить как минимум две коми традиции: лузскую – она охватывает обширную территорию с несколькими группами поселений в бассейне р. Луза (приток р. Юг), и летскую – более компактную, она включает деревни, расположенные на р. Летка (приток р. Вятка)¹. Кроме того, особое место в данном районе занимает село Лойма с прилегающими деревнями – одно из пограничных сел с исконным русским населением, в 1921 году включенное в состав Коми области (до этого – в составе Устюжской земли, Сольвычегодского, Лальского и Усть-Сысольского уездов)². Лузскую и летскую традиции³ различают сюжетный состав, особенности исполнения песен, степень сохранности материала.

В данной статье внимание сосредоточено на песенно-игровом репертуаре лузских коми⁴, вы-

явленном в Фольклорном архиве Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (далее – ФА СГУ). Песни записаны в Объячевском, Ношульском, Спаспурбском, Чёрнышском сельсоветах (поселениях). Стоит отметить, что эти поселения входили в состав сначала Лальского, затем Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии⁵. Мы имеем дело с поздними по времени фиксации текстами: основная часть была записана в конце 1990-х – начала 2000-х годов в результате фольклорных экспедиций и практик⁶. Самые ранние имеющиеся в нашем распоряжении записи из ФА СГУ были сделаны в 1974 году в д. Пожмадор Объячевского с/с в ходе фольклорной практики под руководством А. К. Микушева (2 текста)⁷. Всего в лузском репертуаре нами выявлено 10 песенно-игровых сюжетов в 40 вариантах записи и более 30 описаний молодежных собраний. Песенные тексты были записаны от исполнителей в возрасте 70–80 лет, юность которых выпала на первую треть XX века.

По сообщениям исполнительниц, самым актуальным периодом для молодежных собраний, с которыми в первую очередь связано бытование песенно-игрового фольклора, традиционно были святки. Для рождественских игрищ молодежь специально нанимала избу, при этом молодые люди расплачивались с хозяйкой деньгами, а девушки приносили пироги и шаньги⁸.

Главными участницами рождественских собраний являлись девушки. На игрищах они выступали в роли девушек на выданье, невест,

биологически и символически готовых к замужеству, отсюда их активность, раскованная манера общения с юношами в качестве игральщиц. Подобные игрища являлись своего рода смотринами, на которых молодые люди присматривали себе будущую жену, поэтому атмосфера молодежных гуляний была для девушек большим испытанием, носила для них знаковый характер. В одном репортаже исполнительница назвала весь комплекс рождественских игрищ девичьими гуляньями⁹. Молодые люди на таких собраниях играли пассивную роль – они сидели и смотрели на происходящее.

Большое внимание уделялось внешнему виду участников рождественских игрищ: *«А вот это 14-го числа Вэль Новой-тё год, Старой-тё год. Тогда розовый сарафан, красивый рубашка этим белыми вышивками, бусы туда всё повесим. Да и зимой тоже в этих, тапочки, не тапочки, а тупляки. Вот и пляшем, всю ночь пляшем. Вот и одинаковый костюмчик, одинаково оденемся и вот и всю ночь гуляем. Гармошка есть, гармошка и поём вот эти песни, песни-то всё поём, пляшем»*¹⁰. Девушки надевали сарафаны одинакового цвета, причем, по сведениям информантов, к каждому празднику цикла (Новый год, Рождество, Крещение) – разных цветов: *«Смотреть мы, дети, идём и смотрим. Они, значит, встанут все в одинаковых сарафанах. <...> И каждый вечер одевают все. В один вечер одного, скажем, красный сатин сарафан, все рубашки, в другой вечер зеленый. Если у девушки нет, возьмет у какой-нибудь женщины, чтоб обязательно все в одинаковых сарафанах. И вот так приплясывают целую неделю»*¹¹. В Рождество надевали бордовый сарафан, на Новый год – розовый, в Крещение – голубой¹². В последний день рождественских игрищ девушки наряжались в белые цветистые сарафаны. По замечанию исследователей, единообразие нарядов было связано со структурированием девичьей группы и демонстрировало ее единство: *«Обычай надевать платья одного цвета на определенные праздники или в дни святок давал возможность воочию подтвердить солидарность девичьей группы и создавал реальные предпосылки для ее консолидации»* [12: 93]. Наличие яркой цветовой гаммы в праздничной одежде участников заонежских бесед позволило Р. Б. Калашниковой сделать следующие выводы: *«Вся цветовая гамма использованных глубоких красок, прежде всего красного, голубого, зеленого, желтого, представляла символикой именно свадебной обрядности, готовности девушки и юноши к браку»* [4: 78].

В исполнительской терминологии песни, которые звучали на этих собраниях, обозначались как *«рöштво сыланкывьяс»* (рождественские песни): *«Тайö рöштвонад чукöртчисны да рöштво сыланкывьястö сылисны»*¹³ (Это в рождество собирались и рождественские песни

пели¹⁴). Добавим, что это обозначение не приурочено строго к Рождеству: исполнители включают игровые песни в репертуар любого времени года, называя их «рождественскими» [15: 74]. По словам исполнительниц, эти песни входили в репертуар молодежи, их пели, *«когда были молодье. Вот с пятнадцати лет, но и докуда замуж не выйдёшь»*¹⁵. По замечанию Н. И. Дукарт, у некоторых групп коми бытовал определенный круг песен (в основном плясовых), исполняемых только в Святки. В Прилузье, как отмечает исследовательница, такой песней стала «Пивовар, пивовар молодой» [3: 93]¹⁶.

Практически все песни, входящие в лужский игровой репертуар, по нашим наблюдениям, были усвоены из русских традиций. Как отмечает Г. С. Савельева, проблема игровых хороводных песен «тесно связана с проблемой фольклорных заимствований, которые во многом определили специфику как песенного фольклора коми в целом, так и игрового в частности. Севернорусский песенно-игровой фольклор, воспринятый вместе с основными формами праздничного поведения, стал органичной составляющей всей традиционной культуры коми» [16: 51]. Некоторая часть хороводно-игровых сюжетов лужских коми представляет собой лексически деформированные тексты – «кыдья роч» (букв. – русский с примесью).

Репертуар игрищ на Лузе включал в себя песни игровые, хороводные, хороводно-игровые (исполнялись в кругу и в хороводе «ряд на ряд» («воча-воча» – букв. «навстречу-навстречу»)). Кроме того, зафиксированы песни с припеванием пар. В данной статье не рассматриваются плясовые песни лужских коми («йöктан сыланкыв»), поскольку у нас нет достаточных сведений об их функциональной приуроченности.

К собственно хороводным нами отнесена песня «Собирались девушки да собирались красную», которая выявлена в единственном варианте в с. Чёрныш¹⁷. Близкие варианты из русских традиций позволили условно отнести ее к наборному хороводу. Текст строится на мотивах «девушки собирались в круг», «свекор-батюшка не прелесть». Песня демонстрирует «противостояние» двух сторон: с одной стороны, желание девушек погулять («собирались девушки да собирай своя девновой круг»), с другой стороны, образ свекра-батюшки, который запрещает гуляние. Отметим, что этот запрет реализуется в тексте через оригинальное словосочетание, характеризующее свекра: «секар-батюшко не прелесть». Контрастность в песне подчеркивается также через появление образа батюшки («каково была батюшко, таково же лютая секарö»). Мотив «девушки собирались в круг» сближает лужскую песню с вариантом из нижевычегодской традиции¹⁸.

В лужских записях выделяются игровые песни, исполнявшиеся в хороводах двух разновидностей: линейных и круговых.

При разыгрывании хоровода «ряд на ряд» («воча-воча») девушки становились двумя шеренгами друг напротив друга и поочередно подходили друг к другу. При этом в шеренги вставляли не в хаотичном порядке, а по голосам: «*Став парадн султб. Отигас отиг ряд, мѡдорас тадзи. Сэсса вед гѡлѡсыд оз артмы, так на выбор. Коді ешѡ пѡрысьджык ныльясыс, так на выбор. Выберитѡнѡ: тэ татчы султ, тэ этчы султ. Или мѡдорад колѡ этчы султны, сэтчы султ*»¹⁹ (Все встают по парам. В одном месте ряд и в другом также. Потом ведь голос не получится, так на выбор. Кто еще постарше из девушек, так на выбор. Выбирают: ты сюда становись, ты туда вставай. Или в другое место надо сюда встать, туда встань).

Хоровод «ряд на ряд» в исполнительской терминологии обозначался как «*радѡн ветлыны*» (ходить рядами), «*воча-воча ветламѡ*» (ходим ряд на ряд), а также использовались русские слова, такие как «пласты» и «ширинки». Заметим, что слова «пласты» и «ширинки» употреблялись лишь в русскоязычных репортажах²⁰, когда собирателю, который не владел коми языком, исполнительницы пытались объяснить разыгрывание песни. Нами не были найдены близкие наименования этим хороводам в русских традициях. Возможно, слово «ширинки» возникло в речи информанта по аналогии с русским словом «шеренги». В местной традиции, таким образом, выработалась своя терминология для характеристики русскоязычных песенных текстов. Данный тип хоровода сопровождался песнями «*Пѡкѡди да пѡпляши*» (Походи да попляши), «*Каковой у вас доброй молодец да жениче?*» (Каково у нас добрый молодец да женится?).

Песня «*Пѡкѡди да пѡпляши*» (Походи да попляши), по словам исполнительниц, звучала второй на рождественских играх²¹. В ФА СГУ имеются лишь записи-пробы и упоминания этой песни²² из с. Объячево и д. Керос Объячевского с/с.

Песня была связана с возвратно-наступательными движениями, кроме того, предполагала поцелуйное завершение: «*Там тоже ширинка стоит, и тут девушки. Одинаково всё одето. Тадзи, тадзи. Вот кутчысьѡнѡ, да сьылѡнѡ, да йѡктѡнѡ* (Так, так. Вот держатся, и поют, и пляшут). *Поют, а потом обратно, потом обратно вот так. Очень хорошо. Ну ширинка-то, но какой комната. Сколько там девушки. В одну сторону девушки и другая*»²³; «*Ешѡ йѡктигтырйи тайѡ колѡ сьылны. Воча ставыс, кызь морт. Ся радын, гашик, дас вит морт, может, кызь морт. Да сямьд ешѡ воча, тадзи воча. <...> Воча-воча, радѡн. Кык радьс. Отиг рад и мѡд рад. Сэсса воча-воча ветлам. Сэсса нин менѡ кольельѡнѡ тадзи. Сэсса первойсяньыс окасьныс заводитчѡ сѡй ѡтиг морт. Кѡтшас ешѡ нывкаясѡс сувтѡдѡнѡ, том нывкаясѡс. Нывкаясѡ и быть окал, окалѡнѡ. Комын мортѡс мукѡд том мортыс сѡй рытнас окалѡнѡ, комын мортѡс*»²⁴ (Еще приплясывая надо исполнять эту песню. Все [становятся] в ряд,

20 человек. В этом ряду, может быть, 15 человек, может, 20 человек. Да им напротив еще ряд, так вот ряд. <...> Ряд на ряд, рядом. Два ряда. Один ряд и второй ряд. Потом ряд на ряд ходим. Потом уже меня провожают так. Потом, начиная с первого, начинает целовать это один человек. К порогу еще девочек ставят, молоденькие девочки. Девочек и надо целовать, целуют. Тридцать человек некоторые молодые люди в этот вечер перецелуют, тридцать человек)²⁵; «*Сэсса весь народыд, коді желайтѡ, окасьны колѡ кыскыны, став йѡзсѡ колѡ сьылѡдны. Сѡй сьылѡдигад колѡ мѡд мотив, мотивыс колѡ мѡд*»²⁶ (Потом весь народ, кто желает, целоваться надо тянуть, всех людей надо припеть. При этом припевании надо другой мотив, мотив надо другой). Отметим, что самими исполнительницами осознается, что припевание осуществлялось на другой мотив. Добавим, что символическое «переjuvenивание» молодых людей со всеми присутствующими девушками – постоянная тема многих посиделочных игр [11: 72].

Несмотря на «размытый» в смысловом отношении текст, в нем отчетливо выделяются образы мужа, который не боится жены («тѡда не боюся жены»), и замужней женщины, которая не страшится своего свекра («тѡда не боюся жены да от того свекѡра»). В песне просматривается тема разгульности, снятия запретов, что являлось характерной чертой для молодежных собраний. Кроме того, в тексте вычленяются детали одежды («куни бѡрья пуговики», «плетен шѡлкѡвѡе»), что можно связать с раскрытием мотива величания молодцу. В песне развиваются призывы к движению, пляске, что связывает содержание текстов с действиями участников.

По сообщению исполнителей из сел Объячево и Читаево, третьей в хороводно-игровом комплексе звучала песня «*Кругом-ко кругом да сѡкола летела*». Текст песни зафиксирован лишь в отрывке: «*Кругѡм-ко кругѡм да сѡкола летела, // Радѡсь пѡ радѡсь, солнце катетью...*»²⁷. Возможно, это фрагмент хороводной игры, в которой юноша-сокол выбирает невесту. Близкий вариант, выявленный нами в традиции Архангельской области, имел зачин «*Кругом кругом да солнце катилось, // Рядом рядом бояра все едут*» [9: № 274]. Участники двигались по кругу: «*Да, потом кругом. Там сидят мужики, но кавалеры да что да. И мы им напоём, сьылѡдам* (припоём). [Мужикам потом поете?] *Да, мужики сидят они. Мужики-то ведь сидят. “Кругом кругом да сокола летит, сокола летит”. Ой, кузь сѡй песняыс. Йѡктан толькѡ, йѡктан. Старѡясѡд сьылѡнѡ, йѡктѡнѡ, а ми видзѡдам* (Ой, длинная это песня. Пляшем только, пляшем. Старые поют, пляшут, а мы смотрим) <...> *Парней вызываем. Там парни поют и некоторые*»²⁸.

При исполнении песни «*Каковой у вас доброй молодец да жениче?*» (Каково у вас добрый молодец да женится?), известной в разных селах Лузы²⁹, девушки вставляли рядами («пластами»)

и величали молодого человека³⁰: «Один ряд стоят, тут второй ряд стоят. Запевают, первой-то запевалки, потом повторяют»³¹; «Они, значит, встанут все в одинаковых сарафанах. В одну сторону и другую, друг против друга, ряд. Человек 10 в одну сторону и другую человек 10. И я только помню это, приплясывают и идут: “Каково у вас доброй, доброй молодец да женичей”. И обратно они отходят. А другие опять приплясывают, к ним идут: “А у нас-то женичей да молодичкой”»³². Заметим, что коми исполнительницы осознанно воспроизводят содержание песни: «Парень, с головы до ног одевают, женика, вот это пели в Рождество. [А какого парня, любого?]. Нет, вообще, там в песне идет, так просто. Сперва волосы кудреватая, ся рубашкой одевают, потом желёткой. До ног, до сапога, до портянки всё это одевают жениха. Мы соберёмся и вот так поём. <...> Раньше всё время пели, я еще девочкой маленькой была. Ходила, надо учиться нарочно»³³. В то же время указывалось, что количество участников в каждом ряду должно быть четным.

Текст песни обыгрывал тему «женидьба добра молодца». Его содержание связано с описанием внешности жениха: волос и одежды. Заметим, что образ кудрей («вёлсöй кудриватые») – знак готовности молодого человека к женидьбе. Общую последовательность описания молодца можно представить следующим образом: сначала описываются волосы молодца, а затем даются детали одежды. Всего из ФА СГУ нами выявлено 3 варианта данной песни из сел Объячево и Чёрныш³⁴, а также зафиксированы записи пробы и упоминания о ней³⁵. Описание одежды молодца в текстах варьируется. Так, среди общих деталей одежды в тексте присутствуют следующие элементы: **рубашка** («рубашки бумажные», «рубашкой Ольёксандровской» (Александровская)), **штаны** («штаничöй плисöвöй» (плисовые), «штаничеки да суконные»), **пояс** («поясöй да лендочкой», «пöячöй ёсьтön кыём» (вязанный спицами), «поясöй нывъяслön сетöма» (подаренный девушками), «пояски да солдатские»), **сапоги** («сапичей вытяжной» (вытяжные)), **шапка** («шапичöй сөбöлиновöй» (соболиная), «шапкачей круглой саратовской» (круглая саратовская)), **рукавицы** («рукавичöй шеретöвöй», «рукавичкöй ёсьтön кыёма» (вязанные спицами)), **портянки** («портянки да суконные», «пöртянки калин бумажной»). Кроме того, в текстах встречаются такие детали, как **жилетка** («желётки да машинаöн вурöмön» (шитая на машине)), **пиджак** («пиньшачи да магазинское» (из магазина)), **шабурка**³⁶ («шабуркой»), **галстук** («галстукöй ёсьтön кыёма» (вязанный спицами)), **сюртук** («сюртучöй суконной» (суконный)), **чулки** («чулöчöй горечкöй»), **зипун** («зипунöй нижнегоречкöй» (нижегородский?)), **кушак** («кушачей красной борской» (красноборский?))³⁷.

По словам исполнительниц, после этой песни молодец, которого опедали, должен был целовать девушек³⁸.

Заметим, что вопросно-ответное построение сближает эту песню с русской песней «Бояра», которая строится на диалоге бояр и княгинь, а также включает описание внешности молодого человека³⁹.

К круговым хороводам мы отнесли песни «Расколися, N, на четыре грани», «По тискам я дубöвöй, дубöвöй» (По тискам я дубовой, дубовой). Они были связаны с выбором пары, содержали поцелуйную формулу – в конце песни паре необходимо было поцеловаться.

Песня «Расколися, N, на четыре грани» выявлена в 14 вариантах из д. Пожмадор Объячевского с/с и с. Объячево, а также упоминания о ней в некоторых интервью⁴⁰. Отдельные ее мотивы встречаются в сюжетах из русских традиций, в частности мотив приготовления постели (перины, подушки) [9: № 277]⁴¹. В целом сюжет популярен в Прилузье⁴².

При исполнении песни сначала припевали («сьылöдисны») девушку, которая находилась внутри круга:

Рёсколися, Марьюшка, да на четыре гранной,
Ок, ты любишь чужой грöш да тово душ Иванöй.
Стелю, стелю перина да стелю пукöвöй я,
Стелю, стелю пöдушечка, стелю пукöвöй я,
Кому дарю я платочек, тово поцелую⁴³.

После величания девушка подходила к молодому человеку, давала ему платок и целовала его. Данный момент поддерживался и на уровне текста: «Кому дарю я платочек, того поцелую». Один из образов, вокруг которого концентрируется действие, – это образ постели («Стелю, стелю перина да стелю пукöвöй я, // Стелю, стелю пöдушечка, стелю пукöвöй я»). Эта песня могла исполняться и для молодого человека. В этом случае в тексте возникает дополнительный мотив поиска жены. Тот, кого вызывали, плясал в кругу⁴⁴. Кроме того, мы можем наблюдать замену слова «гранной» на слово «бранной»:

Расколися, Иванушко, на четыре бранной, ...
Надö жену молодую, надö бöярню,
Кому дару я платочек, тово поцелую⁴⁵.

Отметим, что лужские слова «гранной» и «бранной» в русских вариантах этой песни звучат как «части»: «Расколися, сырой дуб, на четыре части!»⁴⁶

С опорой на близкие варианты из русских традиций к разряду хороводно-игровых мы отнесли несколько сюжетов. Так, в песне «Солнышко, да не стой высоко»⁴⁷ описываются жалобы-обращения девушки к отцу («почём пива не варишь дай замуж не даёшь»), к матери («почём пирог не пекла дай замуж не даёшь»), к сестре («забрал сестрица да забрал сестрица»). Исполнительницы добавляют, что текст этим не заканчивается – в нем появляются образы брата, крестного и крестной, к которым девушка также обращается с сетованиями об отказе в замужестве⁴⁸.

В эту же группу мы включили песню «Еще царю, по еще царю»⁴⁹, текст которой был выявлен

нами только в ФА СГУ. В тексте песни «опознается» сюжет поиска царевичем своей невесты, довольно широко распространенный в русских традициях⁵⁰. Отчетливо «считываются» образы царя, короля, но в целом невнятно передается сюжет поиска и нахождения невесты, образа которой не возникает. Образ города, вокруг которого ходит царевич, в лузской песне оформляется словами «ёна вед гөрöда, ёна вед широка».

Еще царю, пö еще царю,
Сон ю, мимо ю,
Королю ю, мимо ю.
Ёна вед гөрöда,
Ёна вед широка.

Мотив нахождения невесты реализуется в тексте словами «восыскачö» (возможно, русское «сыскал»), «поставлю в середине базара», «в середине широкого базара»:

Поставлю, поставлю
В середине базара,
В середине широкого базара.
Пöтез королю,
Восыскачö, восыскачö,
Да пöтерь сысарья⁵¹,
Да пöтери королю.
Черною, дрою на
Ношульскöй да базаровскöй⁵².

В песне появляются оригинальные детали: широкий базар, ношульский базар, король. Добавим, что малопонятное *ю* в лузском игровом тексте встретилось нам в плясовой песне «С кандалы ты ю дали»:

С кандалы ты ю дали,
Да ю да лы ты седалы,
Как нога ты седалы.
Ю не штук,
Двенадцать штук.
Ю ехали-переехали⁵³.

Возможно, для исполнителей слово *ю* имело определенное значение или они заменяли им другие слова, которые не удалось усвоить. Можно также предположить, что *ю* осмысливается исполнителями как пространственный образ, поскольку с коми языка это слово переводится как «река».

К рождественскому репертуару относится также песня «Пö шу морею да юсь по морю»⁵⁴. Она зафиксирована в четырех вариантах в с. Объячево и д. Пожмадор Объячевского с/с, а также в с. Чёрныш и не сопровождается сведениями о разыгрывании. В песне просматривается мотив встречи девушки и юноши, дается деталь одежды молодца (шапка соболиная). Финальный мотив песни – девушка сначала не кланяется, а потом кладет поклон молодцу. Близких вариантов в русских традициях нами не обнаружено. Возможно, здесь мы можем говорить о творческой обработке известного сюжета «Уж по морю синему» с мотивами «молодец убивает лебедь»,

«девушка собирает перья на подушку»⁵⁵. В песне «Пö шу морею да юсь по морю» привлекает внимание многократное нанизывание одних и тех же формул: «юсь по морю», «морею да синему», «едет сёды да доброй, доброй молодеч», «на нем шапка, шапка соболиновой» и др. Возможно, не усвоив известный русский сюжет «Уж по морю синему» целиком и выделив лишь отдельные образы, прилузские певицы создали свою оригинальную версию этого сюжета.

Припевание пар как одна из разновидностей игровых форм молодежной женитьбы было также характерно и для лузских молодежных собраний. Припевки в коми традиции имели устойчивое название *сьылöдчан* – «припевание». Основным признаком данной группы песенно-игрового фольклора является название по имени-отчеству молодца и девушки [1: 9], [8: 89]. Всего в ФА СГУ нами выявлена одна индивидуальная припевка в д. Керос Объячевского с/с, которая исполнялась на русском языке для девушки:

Светланушкай, любö,
Да Васильёвнай милö,
Ой, прия тебе любö,
Прия тебе корошо⁵⁶.

Таким образом, в Фольклорном архиве Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина нами выявлены хороводные, игровые, хороводно-игровые песни лузских коми, а также одна припевка. Основными местами записи послужили несколько поселений, среди которых лидируют села Объячево и Чёрныш. Тексты, записанные в 1990-е – 2000-е годы, представлены в основном в виде фрагментов, пересказов песен, номинальных фиксаций (на уровне воспоминаний о тексте в одной-двух строках). Если сравнить архивные материалы ФА СГУ и Научного архива Коми научного центра, то можно сказать, что записи ФА СГУ скромнее, в нем выявлено небольшое количество песенных сюжетов. Это связано, скорее всего, с поздней по времени фиксацией репертуара. Вместе с тем выявлены песенные сюжеты, которые встретились только в ФА СГУ. Ценность также представляют комментарии о характере исполнения песен и их приуроченности, поскольку они позволяют реконструировать сценарий молодежных игрищ.

Практически весь корпус произведений был заимствован из русского фольклора. Особенно много совпадений наблюдается с репертуаром Архангельской и Кировской областей, непосредственно граничащих с Прилузским районом. Исследование песенно-игрового репертуара лузских коми довольно перспективно в плане наблюдения за языковыми искажениями, кроме того, дает ценный материал при изучении других локальных традиций.

* Работа выполнена при поддержке Республики Коми и Российского фонда фундаментальных исследований: грант РФФИ и Правительства Республики Коми, № 17-14-11001а(р) «Русский песенный фольклор в коми традициях: системное описание и изучение (на материалах Фольклорного архива СГУ)».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Безусловно, возможно и более дробное выделение локальных очагов на территории Прилузья, см.: [2: 62], [21: 229].
- ² Жеребцов И. Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. С. 139.
- ³ О летской фольклорной традиции см.: [5].
- ⁴ О лужской лирике см.: [13].
- ⁵ См.: [22: 9–10].
- ⁶ Наиболее ранние записи лужского песенно-игрового репертуара были сделаны сотрудниками Коми филиала АН СССР в 1960 и 1963 годах: Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (далее – НА Коми НЦ). Ф. 1. Оп. 11. Д. 211 «а»; Ф. 1. Оп. 11. Д. 226.
- ⁷ ФА СГУ. РФ 13-VI-5, 7.
- ⁸ ФА СГУ. 1350-24, 1352-3, 1354-32.
- ⁹ ФА СГУ. 1348-4.
- ¹⁰ ФА СГУ. 1373-20б.
- ¹¹ ФА СГУ. 13110-58.
- ¹² ФА СГУ. 1350-24, 13103-19.
- ¹³ ФА СГУ. 1316.
- ¹⁴ Здесь и далее в тексте переводы с коми языка выполнены автором статьи.
- ¹⁵ ФА СГУ. 1373-20б.
- ¹⁶ К сожалению, Н. И. Дукарт не приводит текст этой песни.
- ¹⁷ ФА СГУ 1331-33, 36: с. Чёрныш.
- ¹⁸ ФА СГУ. 0811-16, 0817-2, 0831-6.
- ¹⁹ ФА СГУ. 1354-32.
- ²⁰ ФА СГУ. 1348-8, 11; 1373-23.
- ²¹ ФА СГУ. 1373-23.
- ²² ФА СГУ. АФ 1354-19, 29, 33, 33а, 35а (Пр.); АФ 1373 (дубль 13105-5)-20, 20а (Пр.).
- ²³ ФА СГУ. 1373-23.
- ²⁴ ФА СГУ. 1354-33а.
- ²⁵ Можно предположить, что, как в некоторых русских традициях, начинали целовать с маленьких девочек.
- ²⁶ ФА СГУ. 1354-29а.
- ²⁷ ФА СГУ. АФ 1373-18 (= 13105-8) (Фр.): с. Объячево.
- ²⁸ ФА СГУ. 1373-23, 24.
- ²⁹ ФА СГУ. АФ 1331-18: с. Чёрныш; АФ 1348-3; 1373 (= 13105-1, 2)-17, 17а; 13103-17, 18, 27: с. Объячево; АФ 13110-58: Спаспорубский с/с, д. Урнышевская.
- ³⁰ Руководитель народного хора с. Объячево Е. В. Галева (1918 г. р.) добавила некоторые «нововведения» в исполнение этой песни и, в частности, появление корзины при описании одежды молодца: «Это на нем все одето. Если его нет, у них все в корзине. Они показывают. Когда поют, каждый друг к другу приплясывая подходит. Подходит, а потом шагом отходит. Приплясывая подходит, а шагом отходит. Отходит, не пляшет, просто шагом. [А если здесь этот молодой человек?] А он ничего. Он стоит или сидит. На нем не показывают» (ФА СГУ. 13103-27а); ««Каково» – в Рождество пели, это тоже без гармошки. Стояли друг против друга, парни сидели, не участвовали. Иногда сажали: одна сторона женщин садит вперед парня, чтобы показать, какой у нас жених. По несколько человек, по 5, скажем» (ФА СГУ. 1349-24).
- ³¹ ФА СГУ. 13103-17а.
- ³² ФА СГУ. 13110-58.
- ³³ ФА СГУ. 1348-3а.
- ³⁴ ФА СГУ. 1331-18, 13103-18, 27.
- ³⁵ ФА СГУ. 1348-3, 13105-1, 2, 13110-58.
- ³⁶ Исполнительница прокомментировала как пальто.
- ³⁷ Отметим, что в тексте из Научного архива Коми научного центра кроме деталей одежды упоминается также походка молодца, которая названа московской и купеческой («походка мѡсковскѡй да купечикѡй»): НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 293.
- ³⁸ ФА СГУ. 1348-11.
- ³⁹ Мотивы и подборка русских вариантов текста в кн.: [11: 177–182].
- ⁴⁰ ФА СГУ. АФ 1348-5, 5а, 5б, 7; 1354-11, 12; 1373-18 (= 13105-3, 3а, 4а); 13103-29, 30, 35, 36, 36а; 13104-12, 12а.
- ⁴¹ См. также: Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевский. СПб.: Государственная тип., 1902. Т. 7. № 524–530.
- ⁴² Он был выявлен также в Научном архиве Коми научного центра (НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 198: с. Читаево, 1963 год) и архиве Национального музея Республики Коми (НМ РК. КП 12493. Л. 83: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1927 год).
- ⁴³ ФА СГУ. 1354-11.
- ⁴⁴ ФА СГУ. 1348-6, 11. Е. В. Галева, руководитель народного хора, добавила, что величание предварял игровой элемент: брали корзинку с предметами, кто вытаскивал кольцо, того величали: «Тая ичѡтик дозторас эм и тшунькытш, эм и лента, эм и гребенка, эм и помада. Бѡрйѡ нывьяс, бѡрйѡ нывьяс, асьыныд шудтѡ корсьѡ» (ФА СГУ. 1349-25) (В этой небольшой корзине есть и кольцо, и лента, и гребенка, и помада. Выбирайте, девушки, выбирайте, девушки, свое счастье ищите). Если нет кольца, берут платок: «Кодлы сюрас вот тайѡ платокыс, сѡялѡ мѡдам сьылѡдны» (ФА СГУ. 1349-25) (Кому достанется вот этот платок, его будем величать).
- ⁴⁵ ФА СГУ. 1354-12.
- ⁴⁶ Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевский. СПб.: Государственная тип., 1898. Т. 4. № 120.
- ⁴⁷ ФА СГУ. АФ 1331-32.
- ⁴⁸ Добавим, что еще один вариант этой песни был выявлен в Научном архиве Коми научного центра. В тексте песни из с. Ношуль реализуется единственный мотив сетования на батюшку за отказ в замужестве.
- ⁴⁹ ФА СГУ. РФ 13-VI-7.
- ⁵⁰ Хороводная игра с символикой свадьбы «Царев сын, королев» проанализирована в книге И. А. Морозова, И. С. Слепцовой: [12: 415–418].
- ⁵¹ В оригинале (это рукописная запись) – Сысарья. Возможно: «сы сарья», «сарья» – от «царь».

⁵² ФА СГУ. РФ 13-VI-7.⁵³ ФА СГУ. РФ 13-VI-12.⁵⁴ ФА СГУ. РФ 13-VI-5; АФ 1331-25; АФ 13104-2; АФ 13163-15.⁵⁵ В Лузском районе Кировской области песня разыгрывалась следующим образом: «Она хороводна. Забирает круг девчат. Вот и ходят, поют. В середине круга девушка ходит и машет “крыльями” (руками) и два пацаненка идут за ней. Приходит парень. Эти уходят – парень убил их: в ладоши схлопнул. Выходит девушка. Она перья собирает, а парень ей в лицо сзади старается заглянуть. Она отворачивается, тогда он ей грозит. Она повернется, возьмет за руку и ходят во кругу»: Вятский фольклор. Народный календарь / Сост. А. А. Иванова. Котельнич, 1995. С. 147.⁵⁶ ФА СГУ. 1354-30. Отметим, что близкий вариант припевки из архива Национального музея Республики Коми был также зафиксирован в Объячевском с/с, но с обращением к молодому человеку: НМ РК. КП 12493. Л. 83.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А в Усть-Цильме поют: традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы / Подгот. текстов и коммент. А. Н. Власов, З. Н. Бильчук, Т. С. Канева. СПб.: Инка, 1992. 224 с.
2. Власов А. Н., Канева Т. С. Фольклорные традиции Европейского Северо-Востока России: полевые исследования СыктГУ // Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сборник научных трудов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2008. С. 60–73.
3. Дукарт Н. И. Святочная обрядность коми конца XIX – начала XX вв. // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар, 1978. С. 91–103 (Труды ИЯЛИ. Вып. 20).
4. Калашникова Р. Б. Бесёды и бесёдные песни Заонежья второй половины XIX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 142 с.
5. Канева Т. С. Краеведческие материалы П. Г. Сухогозова в контексте изучения фольклорной традиции села Прокляевка Республики Коми // Славянская традиционная культура и современный мир. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь: Сборник научных статей. М.: ГРЦРФ, 2008. Вып. 11. С. 260–266.
6. Канева Т. С. Песенно-игровой фольклор // Музыкально-поэтический фольклор нижней Вычегды (материалы к Своду русского фольклора) / Сост., подгот. текстов, статьи и комментарии А. Н. Власова, Е. А. Дороховой, Т. С. Каневой, З. Н. Мехреньгиной; Отв. ред. А. Н. Власов. СПб.: Пушкинский Дом, 2014. С. 139–153.
7. Канева Т. С. Усть-цилемская «горка» и «горочный» фольклор (песенный репертуар в хороводно-игровом комплексе) // Фольклор: текст и контекст: Сборник статей. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 90–107.
8. Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 284 с.
9. Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л.: Наука, 1973. 324 с.
10. Макашина Т. С., Фролова А. В., Тучина Т. А. Календарные и семейные праздники Русского Севера. М.: Звезда и крест, 2011. 260 с.
11. Морозов И. А. Женильба добра молодца. Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы» / «женильбы». М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
12. Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004. 920 с.
13. Мусанова С. С. Русские лирические необрядовые песни лузских коми // Традиционная культура: Научный альманах. 2016. № 1. С. 85–98.
14. Савельева Г. С. Песенно-игровая традиция Выми: рождественские игрища Княжпогостского района // Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения: Сборник научных трудов к 10-летию кафедры фольклора и истории книги. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2006. С. 94–113.
15. Савельева Г. С. Песенно-игровой фольклор // Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986–1991 гг.): Исследования и материалы / Отв. ред. А. Н. Власов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1995. С. 74–108.
16. Савельева Г. С. Поэтика фольклорных заимствований: коми припевочные песни // Традиционная культура: Научный альманах. 2007. № 4. С. 51–60.
17. Стародубцева С. В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 421 с.
18. Фролова А. В. Русский праздник. Традиции и инновации в праздниках Архангельского Севера XX – начала XXI века. М.: Феория, 2010. 152 с.
19. Швецова В. А. Пирилейки беломорских карелов: традиционный жанр на стыке двух культур // «PAX SONORIS»: Научный журнал. Астрахань: Полиграфком, 2013. Вып. VII. С. 35–39.
20. Швецова В. А., Лебедева О. В. Пирилейки беломорских карелов: проблемы терминологии и функционирования // Пирилейки Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2014. С. 3–7.
21. Шевченко Е. А. Отражение взаимодействия культур в структуре и семантике свадебного обряда (на материале лузской и прилузской традиции) // Слово и текст: история, культура, этнос: Сборник научных трудов памяти Лидии Яковлевны Петровой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. С. 229–237.
22. Шевченко Е. А. Свадебный обряд Лузского района Кировской области (функциональные аспекты поэтических жанров). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2010. 288 с.

Musanova S. S., Komi Republican Institute of Education Development (Syktyvkar, Russian Federation)

RUSSIAN SONG AND GAME REPERTOIRE OF LUZA KOMI

The article is concerned with the song and the game repertoire of Luza Komi. The collection was found in the Folklore archive of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin. The studied micro local tradition of the Priluzskiy district of the Komi Republic covers an extensive territory with several groups of settlements in the Lusa River basin (inflow of the river South). The songs were recorded in several settlements, which earlier belonged to Lalsky and later to Ust-Sysolsky County of the Vologda Province. As a result of folklore expeditions and research practices of the employees and students of Syktyvkar State University 10 song and game plots in 40 recorded variants and more than 30 descriptions of the youth meetings were recorded. Practically, the whole song

and game repertoire of Luza Komi has developed from Russian traditions. The repertoire included game songs, singing and dancing in a ring, (songs and games were executed in a circle and in a round dance «a row on a row»). At the end of the expedition a small amount of song plots was revealed: among them were some unique songs unknown to other archives. The registration of the texts took place a long time afterwards (1990–2000) and as a result many of them are presented in the form of fragments, songs' narrations, and nominal fixation (at the level of recollection of one or two song lines).

Key words: archive, song and game folklore, variant, tradition

REFERENCES

1. In Ust'-Tsil'ma they sing: traditional song and game folklore of Ust'-Tsil'ma. St. Petersburg, 1992. 224 p. (In Russ.)
2. Vlasov A. N., Kaneva T. S. Folklore traditions of the European North-East of Russia: field studies of Syktyvkar State University. *Current problems of field folklore studies: Collection of scientific works*. Syktyvkar, 2008. P. 60–73. (In Russ.)
3. Dukart N. I. Late Christmas rituals of the Komi of the late XIX – early XX centuries. *Traditional culture and life of the people of the Komi*. Syktyvkar, 1978. P. 91–103. (In Russ.)
4. Kalashnikova R. B. Besyodas and besyoda songs of Zaonezhye in the second half of the XIX century. Petrozavodsk, 1999. 142 p. (In Russ.)
5. Kaneva T. S. Local history materials of PG Sukhoguzov in the context of studying the folklore tradition of the village Prokopievka of the Komi Republic. *Slavic traditional culture and modern world. The personality in folklore: performer, master, collector; researcher. Collection of scientific articles*. Moscow, 2008. Issue 11. P. 260–266. (In Russ.)
6. Kaneva T. S. Song and game folklore. *Musical and poetic folklore of the lower Vychegda (materials to the Arch of the Russian folklore)*. St. Petersburg, 2014. P. 139–153. (In Russ.)
7. Kaneva T. S. Ust-tsil'msky "hill" and "hump" folklore (the song repertoire in a round and game complex). *Folklore: text and context: Collection of articles*. Moscow, 2010. P. 90–107. (In Russ.)
8. Kolpakova N. P. Russian folk everyday song. Moscow, Leningrad, 1962. 284 p. (In Russ.)
9. Lyrics of the Russian wedding. Leningrad, 1973. 324 p. (In Russ.)
10. Makashina T. S., Frolova A. V., Tuchina T. A. Calendar and family holidays of the Russian North. Moscow, 2011. 260 p. (In Russ.)
11. Morozov I. A. Marriage of the good young man. The origin and typology of traditional youth entertainment with the symbol of "wedding" / "marriage". Moscow, 1998. 352 p. (In Russ.)
12. Morozov I. A., Sleptsova I. S. A circle of the game. Celebrations and games in the life of the North Russian peasant (XIX–XX centuries). Moscow, 2004. 920 p. (In Russ.)
13. Musanova S. S. Russian lyrical non-ritual songs of Luza Komi. *Traditsionnaya kul'tura: Nauchnyy al'manakh*. 2016. No 1. P. 85–98. (In Russ.)
14. Savel'eva G. S. The song and game tradition of Vymi: Christmas merrymakings of Knyazhpogostsky district. *National culture of the European North of Russia: regional aspects of studying: The collection of scientific works to the decade of department of folklore and history of the book*. Syktyvkar, 2006. P. 94–113. (In Russ.)
15. Savel'eva G. S. Song and play folklore. *Traditional folklore of Vilegodsky district of Arkhangelsk region (in records of 1986–1991). Research results and materials*. Syktyvkar, 1995. P. 74–108. (In Russ.)
16. Savel'eva G. S. Poetics of folkloric borrowings: Komi pripevochnye songs. *Traditsionnaya kul'tura: Nauchnyy al'manakh*. 2007. No 1. P. 51–60. (In Russ.)
17. Starodubtseva S. V. Russian round dance tradition of the Kamsko-Vyatka interflaves. Izhevsk, 2001. 421 p. (In Russ.)
18. Frolova A. V. Russian holiday. Traditions and innovations in holidays of the Arkhangelsk North XX – the beginnings of the 21st century. Moscow, 2010. 152 p. (In Russ.)
19. Shvetsova V. A. Piirileykki of White Sea Karelians: a traditional genre on a joint of two cultures. «PAX SONORIS»: *Nauchnyy zhurnal*. Astrakhan, 2013. Issue VII. P. 35–39. (In Russ.)
20. Shvetsova V. A., Lebedeva O. V. Piirileykki of White Sea Karelians: problems of terminology and functioning. *Piirileykki of White Sea Karelia*. Petrozavodsk, 2014. P. 3–7. (In Russ.)
21. Shevchenko E. A. Reflection of interaction of cultures in structure and semantics of a wedding ceremony (on material of luzsky and priluzsky tradition). *Word and text: history, culture, ethnos. Collection of scientific works of memory of Lidiya Yakovlevna Petrova*. Syktyvkar, 2009. P. 229–237. (In Russ.)
22. Shevchenko E. A. Wedding ceremony of the Luzsky district of the Kirov region (functional aspects of poetic genres). Syktyvkar, 2010. 288 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 04.09.2017